

Поддавшись уговорам Е Сяои, Мо Юэ всё же нехотя опустился на стул.

— Повезло же тебе, хитрый лис! — проворчал он. — Выкладывай, какую надпись сделать? Будем считать, отрабатываю те два цзиня мяса.

Концепцию бренда и отдельные коллекции для «Шпилек семьи Е» Е Сяои продумал до мелочей. Он бережно уложил изящное тканевое украшение со сложным узором из лепестков и тонким, тихо звенящим колокольчиком на шёлковой кисточке в резную лакированную шкатулку. Прикрыв крышку, юноша плавно пододвинул её к Мо Юэ.

— Эта серия называется «Бабочка, влюблённая в цветы», — мягко улыбнулся Е Сяои. — Выведи название золотой тушью прямо на крышке.

— «Бабочка, влюблённая в цветы»? — Мо Юэ удивлённо приподнял бровь.

Тонкими, уверенными мазками он вывел иероглифы на крышке и поднял взгляд:

— А у этого названия есть предыстория? Откуда ты его взял?

— Предыстория? Да не помню я, да и зачем она сдалась? — отмахнулся Е Сяои.

Для него и такое изящное имя уже было верхом поэтического полёта. Своим внезапным вдохновением он был обязан исключительно залам отдыха в элитных заведениях под вывеской «Рай на земле», которыми владела его семья в прежнем мире. Там все кабинеты проектировались с размахом и претензией на высокий стиль. Помимо «Бабочки, влюблённой в цветы», в его заведениях красовались и другие поэтические вывески вроде «Ветки сливы», «Бамбука плачущей девы» или «Красавицы, затмившей луну».

К сожалению, здешний мир не знал ни легенд о древних китайских красавицах, ради которых рыбы опускались на дно, а дикие гуси падали с небес, ни преданий о преданных жёнах императора Шуня. Приходилось выкручиваться и выбирать такие названия, которые здешние покупатели восприняли бы без лишних вопросов.

Мо Юэ вновь обмакнул кисть в золотую краску.

— Нужна пояснительная надпись. Раз уж есть красивое название, рядом полагается вывести строчку помельче, чтобы раскрыть его суть.

— А, всего-то? Это просто. Напиши... как там было? «Лицо бледнеет пред зеркалом, осыпаются цветы с ветвей». Да, именно так!

Е Сяои мгновенно вспомнил красивую каллиграфию, которая украшала стены в его роскошных

номерах отдыха.

— «Лицо бледнеет пред зеркалом, осыпаются цветы с ветвей»? — задумчиво повторил Мо Юэ.
— Строка красивая, но веет от неё увяданием. Не слишком ли мрачно для украшения? Ты уверен?

Е Сяои поперхнулся.

«Неужто догадался, откуда стишок?»

Но тут же успокоил себя: Мо Юэ ведь не бывал в его мире, откуда ему знать про элитные салоны? И всё же на душе стало немного беспокойно.

— И что тут мрачного? — осторожно спросил он.

— Твои слова прямо говорят о том, что красота недолговечна, а молодость неумолимо утекает, как вода, — пояснил Мо Юэ. — Для изысканной вещицы это плохой знак.

— Вот оно что, — Е Сяои облегчённо выдохнул. — Ну, тогда замени её на какую-нибудь другую, на свой вкус.

Мо Юэ ненадолго задумался, а затем вывел на крышке изящное двустиише:

«Лик юный мил зеркалу, ветви — цветам,

Как ветер льнёт к месяцу, так бабочка — к лепесткам».

— Потрясающе! — искренне восхитился Е Сяои, который в поэзии смыслил не больше уличного зазывалы. Он тут же придвинул к нему целую стопку деревянных шкатулок. — Учитель Мо Юэ, раз уж вы у нас такой мастер слова, не дайте пропасть моим невзрачным поделкам. Напишите стихи на всех коробках!

Мо Юэ одарил напарника скептическим взглядом.

«Разбежался!»

Этот лоботряс просто пытался переложить на него всю работу, а лесть его не стоила и медного гроша.

— И не подумаю, — высокомерно отрезал Мо Юэ, пресекая наглую попытку сесть ему на шею.
— Считай, долг за мясо я закрыл. А теперь вернусь к своим делам, дрова сами себя не наколют

и вода в бочки не нальётся.

С этими словами он отложил кисть и поднялся. В этом доме действовало суровое правило: не поработаешь — за стол не сядешь.

— Постой, постой! — Е Сяои тут же усадил упрямца обратно. — Ладно тебе, сам всё придумаю, ты только пиши!

Пришлось напрягать извилины. Выбирая названия для коллекций, он как-то не подумал о сопроводительных стихах, так что теперь оставалось уповать лишь на остатки памяти.

Спустя минуту Е Сяои уложил в очередную шкатулку скромную, но невероятно изящную шпильку. Прикрыв её, он пододвинул коробку к напарнику:

— Эта будет называться «Роса сокровенной орхидеи». А надпись сделай такую: «В глухом ущелье орхидея расцвела, она одна свой дивный облик обрела».

Бывший криминальный авторитет, а ныне скромный ремесленник, замялся и неловко добавил:

— Ну... если звучит коряво, ты исправь, ты же у нас книжник.

Мо Юэ, не утруждая себя лишними спорами, обмакнул кисть и вывел на лакированном дереве «Роса сокровенной орхидеи», а следом — надиктованные строки. Закончив, он даже головы не поднял:

— Следующий.

Е Сяои от злости едва зубами не заскрежетал. Ну что за несносный тип! Никакого сладу с ним нет. Какая знатная семья вырастила это заносчивое чудо? Жаль, силёнок у него сейчас маловато, чтобы тягаться с этим мастером меча и слова, приходилось глотать обиду и молчать.

Сделав вид, что не заметил пренебрежения, он пододвинул следующую коробку.

— Вот эти детские ленты с бубенчиками назовём «Голубая стрекоза», — Е Сяои указал на шелковые тесьмы. — А стих будет такой: «Порхают бабочки, кружась в небесном сне, стрекозы сонные танцуют на воде».

Мо Юэ удивлённо вскинул бровь.

— Твои вирши отдают... девицами лёгкого поведения, — лаконично оценил он.

— Чего?! — Е Сяои возмущённо уставился на умника.

Ему-то откуда знать, что в приличном обществе «сонные танцы» или «небесный сон бабочек» звучит двусмысленно?

Мо Юэ спорить не стал. Он просто убрал из надписи парочку излишне вольных слов, а вместо них лёгкими штрихами набросал на крышке очертания порхающих мотыльков и изящной стрекозы.

Е Сяои лишь восхищённо цокнул языком:

— Знаешь, Мо Юэ, я кое-что понял.

— И что же? — не оборачиваясь, тот продолжал выводить тонкие крылья насекомого.

— Что ты у меня просто пропадаешь, — Е Сяои со вздохом похлопал его по плечу. — С твоим-то талантом учить грамоте такого неуча, как я, — это всё равно что золотым мечом сорняки полоть.

— Только дошло? — Мо Юэ повернул голову и одарил его на редкость выразительным, полным скрытой насмешки взглядом.

Е Сяои на миг даже затаил дыхание. Этот парень и впрямь обладал редкой, благородной красотой, которой трудно было не позавидовать. И как только такого утончённого господина занесло в их глухомань? Держать его в этой покосившейся лачуге — всё равно что зарывать драгоценный нефрит в грязь.

Е Сяои укорил себя.

«Эх, до чего же мы бедно живём!»

Он дружески хлопнул Мо Юэ по плечу:

— Ничего, приятель, прорвёмся! Вот увидишь, совсем скоро мы переберёмся в просторный дом, заживём по-человечески, спать будешь на мягких перинах, и всё у тебя будет...

Договорить он не успел. Мо Юэ замер, а на его лице отразилась такая гамма чувств, что Сяои осёкся.

Проследив за его взглядом, Е Сяои похолодел. На свежеекрашенное дерево шлёпнулась жирная капля золотой краски. Те самые дружеские похлопывания привели к тому, что рука

художника дрогнула, и аккуратный рисунок превратился в бесформенную кляксу.

Мо Юэ, едва сдерживая ярость, крепко сжал кисть и рывкнул:

— Е Сяои! Живо вытирай!

— Понял, понял, уже стираю, — вздохнул тот, спешно хватая тряпку. Ну вот, а он-то размышлял о мирном сосуществовании. С этим несносным мальчишкой ладить было решительно невозможно.

Напоследок Е Сяои извлёк большую квадратную шкатулку. В ней покоился роскошный свадебный гарнитур из десяти алых украшений: парные закладки для висков, две короткие подвески, две длинные шпильки с кистями, пара классических шпилек и две ленты с изящными колокольчиками. Десять предметов символизировали абсолютную гармонию и счастье в браке.

— А это — мой главный козырь! — с гордостью провозгласил юноша. — Назвал коллекцию «Фениксовое облачение и алая корона». Идеально для невест. Ну каков замысел, а?

Мо Юэ только головой покачал. Коммерческая хватка этого парня поражала: он умудрился охватить всё — от детских ленточек и девичьих заколок до изящных шпилек для замужних дам, а теперь замахнулся и на свадебные уборы. Он что, решил прибрать к рукам причёски всех женщин в Поднебесной?

Понимая, что и так перегнул палку с насмешками, портить триумф Е Сяои он не стал. Аккуратно выведя золотом «Фениксовое облачение и алая корона», он спросил:

— Какую подпись сделать на этот раз?

— О, тут и выдумывать ничего не надо, — заговорщицки подмигнул Е Сяои и продекламировал известную мудрость: — «Сто лет духовных практик ведут к одной ладье, а тысяча — к супружескому ложу».

Мо Юэ удивлённо вскинул глаза, но промолчал. Кончик кисти плавно скользнул по крышке, оставляя за собой изящную вязь иероглифов.

Завершив последний штрих, он отложил инструмент:

— На этом всё?

— С росписью — всё. Но расслабляться рано, у меня для тебя есть особое поручение, — коварно ухмыльнулся Е Сяои, наконец-то разыгрывая свою карту. — Забирай эти четыре

шкатулки и дуй в Город Янчжоу. Продай их подороже.

Мо Юэ едва сдержал усмешку.

— С чего ты взял, что из меня выйдет хороший торговец? Кому я, по-твоему, должен сбыть эти тряпичные безделушки?

— Не знаешь кому? А помнишь лавку яшмовых изделий «Шуньчжай», мимо которой мы проходили в Янчжоу? Вот туда и ступай. Предложи товар хозяину, — уверенно напутствовал Е Сяои. Во время прошлой поездки он приметил, что у этого заведения отбоя нет от богатых покупателей.

— И ты уже обо всём с ним договорился? — прищурился Мо Юэ.

— Разумеется, нет! — беззаботно отмахнулся Е Сяои.

— То есть ты отправляешь меня наобум? — Мо Юэ ушам своим не поверил. — Это ювелирный салон, они торгуют дорогим нефритом! С какой стати им покупать твои заколки?

— Вот для этого мне и нужен твой выдающийся талант, — Е Сяои весело похлопал его по плечу. — Я же сразу понял, что ты птица высокого полёта. Верю, ты справишься с этой задачей без труда.

Е Сяои продолжал завлекать его, крепко удерживая за плечи:

— Слушай сюда: за каждую шкатулку я хочу получить минимум восемьсот монет. Всё, что сумеешь выручить сверху, забираешь себе. Ну как, появился стимул поработать?

— Мне? — Мо Юэ недоверчиво покосился на напарника, а затем перевёл взгляд на шкатулки.

Дерево для них он отбирал сам, каллиграфия тоже была его работы — за внешний вид краснеть не придётся. Сами заколки сделаны на редкость искусно, да и стихи на крышках придавали товару особый шик; подобные именные коробочки ценились высоко. Пожалуй, продать их действительно реально.

Но главным аргументом было даже не это. С тех пор как Мо Юэ бежал из императорского дворца и влачил жалкое существование под видом сына опального чиновника, он почти забыл вкус нормальной еды. Те два цзиня свинины, что Е Сяои купил ему на рынке в Янчжоу, стали его первым мясным обедом за последние полгода!

Пожив в доме Е, некогда избалованный принц быстро освоил суровую житейскую математику и знал, что фунт хорошего мяса стоит всего двадцать монет. Восемьсот монет за штуку... да на

эти деньги можно купить целую гору сочной свинины!

Перед глазами Мо Юэ так и замелькали аппетитные жареные окорока.

Он немного помолчал, взвешивая все за и против, а затем кивнул:

— Идёт. Но чур уговор: вся выручка сверх твоей доли — моя. А если не купят, не обессудь.

<http://bllate.org/book/18182/1752134>